

В С Е М И Р Н А Я Л И Т Е Р А Т У Р А

СОЕД. ШТ. СЕВ. АМЕРИКИ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ЭДГАРА ПО

EDGAR ALLAN POE

1809—1849

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЭДГАР ПО

РАССКАЗЫ

ТОМ I

ПЕРЕВОД М. А. ЭНГЕЛЬГАРДА

БЕРЛИН МСМХХІІІ

МАСКА КРАСНОЙ СМЕРТИ.

«Красная смерть» давно уже опустошала страну. Не бывало еще моровой язвы, столь отвратительной и роковой. Кровь была ее знаменем, и печатью — ужасный багрянец крови. Острая боль, внезапное головокружение, — затем кровавый пот изо всех пор, и разложение тела. Багровые пятна на теле, а в особенности на лице, были печатью отвержения, которая лишала жертву всякой помощи и участия со стороны ближних; болезнь наступала, развивалась и заканчивалась в какие-нибудь полчаса.

Но принц Просперо был счастлив, отважен и изобретателен. Когда язва наполовину опустошила его владения, он собрал вокруг себя тысячу храбрых и беспечных друзей, придворных кавалеров и дам и вместе с ними затворился от мира в одном из своих укрепленных аббатств. Это было огромное и великолепное здание, выстроенное по странному, но величественному плану самого принца. Высокая крепкая стена с железными воротами окружала его. Вступив в замок, придворные тотчас же взялись за паяльники и крепкие молотки, и наглухо запаяли все засовы. Они решились уничтожить всякую возможность отчаянного вторжения извне или безумной попытки к выходу из замка. Аббатство было в изобилии снабжено припасами. Благодаря этим предосторожностям, придворные могли смеяться над чумой. Пусть внешний мир сам о себе заботится. В такое время было бы безумием размышлять и горевать. Принц запасся всеми средствами к увеселениям. Не было недостатка в шутах, импровизаторах, танцовщицах, музыкантах, красавицах, вине. Все это и безопасность соединились в замке. Снаружи свирепствовала «красная смерть».

В конце пятого или шестого месяца этой замкнутой жизни, когда чума свирепствовала с небывалым бешенством, принц Просперо устроил для своих друзей маскарад, обставленный с неслыханным великолепием.

Роскошную сцену представлял маскарад. Но сначала позвольте мне описать залы, в которых он происходил. Их было семь, — царственная амфилада! Во многих дворцах подобные амфилады устраиваются в один ряд, так что, когда распахнутся двери, весь ряд можно окинуть одним взглядом. Здесь было совершенно иное, как и следовало ожидать от принца с его пристрастием к необычному. Комнаты расположены были так неправильно, что нельзя было окинуть взглядом более одной зараз. Через каждые двадцать или тридцать ярдов — крутой поворот, и при каждом повороте — новое зрелище. Направо и налево, в середине каждой стены, высокое и узкое готическое окно выходило в крытый корридор, окаймлявший амфиладу по всей длине ее. Разноцветные стекла этих окон согласовались с преобладающей окраской убранства каждой залы. Например, зала на восточном конце здания была обита голубым, и стекла были ярко голубого цвета. Во второй зале, с пурпурными коврами и завесами, стекла были тоже пурпурные. В третьей, зеленой, — зеленые. Четвертая, оранжевая, освещалась желтыми окнами, пятая — белыми, шестая — фиолетовыми. Седьмая зала убрана была черными бархатными завесами, одевавшими потолок, стены и ниспадавшими тяжелыми складками на такой же черный ковер. Но здесь цвет стекол не соответствовал убранству. Он был ярко-красный, — цвета крови. Ни в одной из семи зал нельзя было заметить люстры или канделябра среди множества золотых украшений, рассеянных повсюду, свешивавшихся с потолков. Во всей амфиладе не было ни одной лампы или свечи; но в окаймлявшем ее корридоре против каждого окна возвышался тяжелый треножник, на котором пылал огонь, ярко озарявший залы сквозь цветные стекла. Это производило поразительный фантастический эффект. Но в западной черной комнате, костер, струивший потоки света сквозь кроваво-красные окна, производил такое злое впечатление и придавал лицам присутствовавших

такое дикое выражение, что лишь немногие решались входить в эту комнату.

В этой же зале стояли у западной стены огромные часы из черного дерева. Маятник качался взад и вперед с глухим, унылым, однообразным звуком, а, когда минутная стрелка делала полный круг, и часы начинали бить, из медных легких машины вылетал чистый, громкий звук, необыкновенно певучий, но такой странный и сильный, что музыканты в оркестре останавливались, танцоры прекращали танец; смущение овладевало веселой компанией и, пока раздавался бой, самые беспечные бледнели, а старейшие и благоразумнейшие проводили рукой по лбу, точно отгоняя смутную мысль, или грезу. Но бой замолкал, и веселье снова охватывало всех. Музыканты переглядывались с улыбкой, как бы сами смеясь над своей глупою тревогою и шепотом обещали друг другу, что следующий бой не произведет на них такого впечатления. И снова, по прошествии шестидесяти минут (что составляет три тысячи шестьсот секунд быстролетного времени), раздавался бой часов, и снова смущение, дрожь и задумчивость овладевали собранием.

При всем том праздник казался веселым и великолепным. Вкусы герцога отличались странностью. Он был тонким знатоком красок и эффектов. Но презирал условные *decora*. Планы его были смелы и дерзки, замыслы полны великолепием варварским. Иные сочли бы его сумасшедшим, но его приближенные чувствовали, что это не так. Необходимо было видеть, слышать и знать его лично, чтобы быть уверену в этом.

Он сам распоряжался убранством семи зал для этой величественной *fete*; по его же указаниям были сшиты костюмы. Понятно, что они отличались причудливостью. Много тут было блеска, пышности, оригинального и фантастического, — что впоследствии можно было видеть в «Эрнани». Были причудливые фигуры, в роде арабесок, с нелепо вывороченными членами и придатками. Были безумные фантастические привидения, подобные грезам сумасшедшего. Было много прекрасного, много шегольского, много *bizarre*; было кое-что страшное и не мало отвратительного. Толпы призраков сновали по за-

лам, мелькали и корчились, меняя оттенки, смотря но зале, и дикая музыка оркестра казалась отголоском их шагов. Время от времени раздается бой часов в бархатной зале, и на мгновение все стихает, и воцаряется безмолвие. Призраки застывают в оцепенении. Но замирают отголоски последнего удара, — и легкий смех напутствует их; и снова гремит музыка, привидения оживают и реют туда и сюда, озаренные пламенем костров, льющих потоки света сквозь разноцветные стекла. Но в самую западную из семи зал никто из ряженных не смеет войти, потому что ночь надвигается, и багровый свет льется сквозь кроваво-красные окна на зловещие траурные стены, и глухой голос часов слишком торжественно отдается в ушах того, кто ступает по черному ковру.

Зато в остальных залах кипела жизнь. Праздник был в полном разгаре, когда часы начали бить полночь. Опять, как и раньше, музыка смолкла, танцоры остановились, и наступила тишина зловещая. Теперь часы били двенадцать, и, может быть, потому, что бой продолжался дольше, чем прежде, — сильнее задумались наиболее серьезные из присутствовавших. Быть может, по той же причине, прежде чем замер в безмолвии последний отголосок последнего удара, многие в толпе успели заметить присутствие маски, которая раньше не привлекала ничего внимания. Слух о появлении нового лица быстро распространился, сначала шепотом; потом послышался гул и ропот удивления, негодования, — наконец, страха, ужаса и отвращения.

В таком фантастическом сборище появление обыкновенной маски не могло бы возбудить удивления. В эту ночь маскарадная свобода была почти неограничена; но вновь появившаяся маска переступала границы того снисходительного приличия, которую признавал даже принц. В сердце самых беспечных таятся струны, до которых нельзя дотрогиваться. Самые отчаянные головы, для которых нет ничего святого, не решаются шутить над иными вещами. Повидимому, все общество почувствовало, что наряд и поведение незнакомца не остроумны и неуместны. Это была высокая тощая фигура, с ног до головы одетая в саван. Маска, скрывавшая лицо, до того похо-

дила на окоченевшее лицо трупа, что самый пристальный взор затруднился бы обнаружить подделку. Все бы это ничего; обезумевшее от разгула общество, быть может, одобрило бы даже такую выходку. Но ряженный зашел дальше, олицетворив образ «красной смерти». Одежда его была испачкала кровью, на широком лбу и по всему лицу выступали ужасные багровые пятна.

Когда принц Просперо увидел привидение, которое прогуливалось взад и вперед среди танцующих медленным и торжественным шагом, точно желая лучше выдержать роль свою, — он содрогнулся от ужаса и отвращения, но тотчас затем лицо его побагровело от гнева.

— Кто смеет, — спросил он хриплым голосом у окружающих, — кто смеет оскорблять нас такой богохульной насмешкой? Схватите его и сорвите маску, чтобы мы знали, кого повесить на восходе солнца на стене замка.

В эту минуту принц Просперо находился в восточной или голубой зале. Слова громко и звучно отдались по всем семи залам, потому что принц был высокий и сильный мужчина, а музыка умолкла по мановению руки его.

Принц Просперо стоял в голубой зале, окруженный толпой побледневших придворных. Слова его вызвали легкое движение, казалось, толпа хотела броситься на неизвестного, который в эту минуту находился в двух шагах от нее и спокойными твердыми шагами приближался к принцу. Но под влиянием неиз'яснимой робости, внушенной безумным поведением ряженого, никто не осмелился наложить на него руку, так что он свободно прошел мимо принца и тем же мерным торжественным шагом продолжал свой путь среди расступавшейся толпы из голубой залы в пурпурную, из пурпурной в зеленую, из зеленой в оранжевую, потом в белую, наконец, в фиолетовую. До сих пор никто не решился остановить его, но тут принц Просперо, обезумев от бешенства и стыдясь своей минутной трусости, бросился за ним через все шесть зал, один, потому что все остальные были окованы смертельным ужасом. Он потрясал обнаженной шпагой и находился уже в трех или четырех шагах от незнакомца, когда тот, достигнув конца фиолетовой залы, внезапно обернулся и встретил лицом к лицу своего врага. Раз-

дался пронзительный крик, и шпага, блеснув в воздухе, упала на траурный ковер, на котором мгновение спустя лежал бездыханный принц Просперо. Тогда, с диким мужеством отчаяния, толпа гуляк ринулась в черную залу, и схватив незнакомца, высокая фигура которого стояла прямо и неподвижно в тени огромных часов, — замерла от невыразимого ужаса, не найдя под могильной одеждой и маской трупа никакой осязаемой формы.

Тогда-то для всех стадо очевидно присутствие «Красной Смерти». Она подкралась, как вор, ночью; и гуляки падали один за другим в залитых кровью палатах, где кипела их оргия; и жизнь эбеновых часов иссякла с жизнью последнего из веселых собутыльников; и тьма, разрушение и «Красная Смерть» воцарились здесь невозбранно и безгранично.